

Июль молодой, солнцеликий,
   забудется вряд ли.
В нем прятались блики
   мечтами расцветенных дней,
Вплетались в него
   шелковистые тонкие прядки
Из пряных лучей
   и сиреневых длинных теней.
За маковки сосен
   цеплялось сплящее кружево
Живых облаков, —
   и на смуглом горячем песке
Ажурную вязью дрожало
   дыхание южное,
И северный день
   растекался
   по синей реке...

Согласимся с Натальей Пунжиной, которая написала так об июле: солнцеликий и... многоименный...

«Как вы думаете, сколько имен у месяца, занявшего положение «макушки лета?» — «А сколько вам надо?» — ответил находчивый крестьянин на вопрос Владимира Даля, составителя Толкового словаря живого великорусского языка.

Если посчитать, то действительно выходит немало: липец, червенц, грозник, хлеборост, сенозарник, страдник...

В старину владельцы коров называли июль санным, пчеловоды — липовым, все те, кто возделывал репу — репным: хочешь иметь хорошую репу, сей ее в июле.

А еще июль в старину носил имя кукушка лета. Ну и, само собой, макушка лета.

Старинное русское крестьянское употребление названия *седмик* (седьмой) говорило само за себя. Как и июль в честь Юлия Цезаря...

О тщеславном стремлении человека, особенно достигшего верховной власти, сравниться с богами и планетами Антон Чехов говорит с иронической улыбкой и намеком на бессмысленные потуги и суету, все безвозвратно растворяющие:

«Июль, по протекции Марка Антония, получил название от Юлия Цезаря, милого малого, перешедшего Рубикон и написавшего *«Жребий брошен!»* — произведение, по мнению учителей латинского языка, достойное 12 уроков в неделю. Был посвящен его превосходительству г. директору небесной канцелярии, действительному статскому советнику и кавалеру Юпитеру.

Будучи происхождения божеского, г. Юпитер, тем не менее, занимался только одними человеческими делами: играл в винт, пил горькую и прохаживался по части клубнички. Юным классикам небезызвестны его ухаживания за коровой Ио.

Солнце в июле вступает в знак Льва, чего ради все кавалеры «Льва и Солнца» в июле имениники... За июлем следует осень...

А Михаил Пришвин в своей трепетной манере по отношению к природе так поведал о первых июльских днях:

«Небо безоблачное, травы достигли высоты, дошли до своего предела и зацвели, кипит жизнь пчел, шмелей, шиповник цве-

тет... Мать-природа, когда поливала наши огурцы, видимо, не думала о том, что завтра на восходе ее водица на листьях блеснет росой и восхитит всех, кто выглянет на свет божий. Она делает просто добро и никак не предусматривает красоту, из ее добра сама собой красота выходит. Да и мы тоже сами так работаем — красота выходит сама собой, если у нас делается добро...

Добро и красота у Михаила Михайловича Пришвина радости, отзывчивы, счастливы взаимно:

«Радоваться небу, солнцу, траве, выйти на дорогу, обрадоваться встрече с человеком и разделить с ним путь до его села, и в селе этом чтобы просто обрадоваться всем людям... Это счастье никак не связано с удачей, но часто удача бывает от счастья».

В июле самая благостная пора — светлая, теплая, светоносная, изобилие трав и вод. Порой одного этого достаточно, чтобы ощутить красоту и спасение в ней. Как в стихотворении Ивана Бунина «И цветы, и шмели, и трава, и колосья...» И особенное звучание оно приобретает, если знать, что оно написано 14 июля 1918 года, во время «окаянных дней», когда все приобретало иную, чем прежде, ценность:

И цветы, и шмели, и трава, и колосья,
И лазурь, и полуденный зной...

Срок настанет — господь сына блудного спросит:
«Был ли счастлив ты в жизни земной?»

И забуду я все — вспомню только вот эти
Полевые цветы меж колосьев и трав —
И от сладостных слез не успею ответить,
К милосердным коленям припав.

Господь определил человеку в земной юдоли непреложность существования: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой...» и радость от этого труднейшего дела — «дела светлого добывания жита, житницы, жизни».

В старину в конце июля, в день святого Афиногена, повсеместно совершался обряд жатвы. Первый сжатый сноп назывался «именинником». С него начинали осеннюю молотьбу хлеба, его соломой лечили заболевший скот, небольшие снопики, олицетворявшие большой именной сноп, украшали цветами и ставили в красный угол, у икон...

В июле стремительно, в тайне незримой слетает с нивы прозелень, на глазах

посеяная, золотится нива. Ночью наливку зерен и смелости колосьев помогают тихие зарницы...

Не пропусти зарницу, человек!
Помирать собрался, а рожь сей!

Потому что созревающий в июле хлеб крестьянин всегда равнял с самой жизнью.

В некоторых летописях есть свидетельства, в которые, как говорят привычные ко всему исследователи, трудноато поверить...

Начиная с X века, за семь столетий Русь, ее отдельные княжества и земли пережили 200 голодных лет. В Новгородской летописи за 1127 год засвидетельствовано: «Ядаху люде лист липов, кору березову... Отцы и мати чадо всажае в ладыю даром гостем...» То есть родители отдавали детям даром проежжим купцам, только бы спасти свои чада от голодной смерти.

Из летописей по столетиям в год с окончаниями на девяносто три:

993. Необычайно холодная зима: «Снег велик... и мнози». Летом засуха: «Сухмень бысть велика». Голодный год.

1093. Половодье: «Реки вышли из берегов и много потопи... Дорогов великъ, урожай невеликъ».

1193. Засуха: «Жито не родилось ныне». Пожары в Новгороде весной и во Владимире в середине лета. Голодный год.

1293. Зима «бысть теплой и дождь великъ». В феврале «располилася вода по городам и конем не бысть корма». В лето — сухо.

1393. Суровая зима: «Зело студена, яко мнозем человеком измерзати... Голодный год.

1493. «Засуха — сухмень велика». «Бури, ветры сильны» пожары в Москве. Голодный год.

1593. Холодная зима: «земля промерзла на пол-аршина». «Рожь не родилась, вызябла».

1693. Засушливое лето: «Земля плода не подаде... Занеже не бысть дождя». В связи с недородом было запрещено скупать хлеб и другие припасы.

1793. Засушливое лето, неурожай — голодный год.

1893. Сильные бури, местами выдуло всходы ржи. Весна затянулась надолго. Воз-

врат холодов в мае задержал рост трав. Пострадали посевы на задорогах.

...В истории Воронежской губернии приезд писателя Антона Чехова и книгоиздателя Александра Суворина был вызван благородной целью — помочь голодающим.

В прошлом веке оставили горькую отметину голод 1921 года в Поволжье (затронул он и Воронежскую губернию — о чем свидетельствовали жутковатые сообщения в газете «Коммуна»).

Массовый голод 1933 года в СССР, страшный голод, до сих пор вызывающий недоуменные вопросы о его причине, голод, который до игры на человеческом горе, до пляски на костях умерших используется сейчас в нечистоплотных политических играх.

Засуха 1946 года, через год после завершения Великой Отечественной войны, когда государство нашло возможность произвести ссуды зерна, голодных смертей избежали.

С того времени, славу богу, случавшиеся засухи и неурожай за все семьдесят лет к голоду не привели. В свое время это объясняли итогами успешной коллективизации и созданием совхозов — что есть правда. Но когда колхозов и совхозов не стало, когда думали, что пришел конец — новый русский крестьянин сумел вывернуться, извернуться. Теперь не импортируем зерно, а экспортируем, теперь не покупаем хлеб за границей, а сами продаем его на мировом рынке. Заметная составляющая для казны вместе с нефтью и газом. Вот уж действительно у России «особенная статья», потому в Россию можно верить. Верить и в то, что народ России будет при этом назидать себе и потомкам:

Как яблоко на блюде,
Земля у нас одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.
Не мудрено добраться
До скрытых тайников,
Разграбить все богатства
У будущих веков...

В июле продолжается «красное лето — зеленый покос». Сенокос, неизъяснимо вызывающий у всех особый трепет...

Фенологи, поэты и писатели словно соревнуются в возвеличивании сенокоса... Можно прочитать такой фенологический распев о покосе в старину:

«Чуть свет, кто может — все на луг! Сверкает оточенная коса, всплеском ложатся срезанные травы — и всюду молодцеватые взмахи косарей. Ряды за рядами, валы за валами. Никнут скошенные травы, вяннут, подсыхают. А подсохнут чуть — перетрясать пора. Эта работа для женских рук: в русской поэзии так и осталось на века: «Бабы длинными граблями ходят сено шевеля». В зной косцы соберутся у раки, отведают немудреных припасов и заведут песню. Далеко разносятся слаженные голоса»...

А вот как о сенокосной поре повествует Евгений Носов в чарующем рассказе «Шумит овсяница луговая»:

«В середине лета по Десне закипали сенокосы... Лесные запахи мешались с медовыми и чайными запахами лугов в крепкой настое, от которого на душе становилось хмельно и необъяснимо молодо... Взметывала в пояс луговая овсяница, укрывая собой клевера, белые кашки, желтоватые подмаренники, выколашивалась над пестротравьем, и луга одевались нежной фиолетовой дымкой. И как только этот призрачный дымок — днями быть покосу...»

Или — такая вот фенологическая картинка:

«Временами наплывут на синее небо кучевые облака, заклюбятся высокими причудливыми башнями, растекающимися высоко-высоко характерными наковальнями — первыми признаками грозового дождя. Ведь недаром июль называют грозником. Настоящий дождь без грозы не проходит. Сверкнет молния, загрохочет гром — и потоки воды низвергнутся на горячую землю...»

Подтверждает это и Евгений Иванович Носов:

«Раза два или три над материковым обрывистым побережьем сходились облака в плотную синеву, и оттуда, с хлебных высот, от полужских тесовых деревень неспешно наплывала на луга туча в серебряных окомах. Вставала она высокая, величавая, в синих рушниках дождей, разгульно и благодатно рокотала и похотывала громами, и вдруг оглушительно, весело шарахала в несколько разломистых колен, и стеклянным перезвоном отзывалась Десна под теплыми струями ливня. Полоскались в веселом спо-

ре дождя притихшие лозняки, набухали сахарные пески в излучинах, пили травы, пила земля...»

Царила истома над плесом...

Когда еще, где еще,

Увидишь ты ливень внезапный

из солнечных слез:

Янтарное счастье

проносится отмелью млеющей,

Сгоняя с высоких осок

задремавших стрекоз.

На мокром песке

появляется тайнопись лета,

Колдует кипрей

за спиной у немых валунов...

И если приснится июль тот

когда-то и где-то,

То он назовется роднее и слаще —

любовь.

И великая любовь есть в июльском сказании о благоверном князе Петре и благоверной княгине Февронии Муромских, которые явили собой образец христианского супружества. Начав оное, когда:

шел июль — макушка лета...